«ЗАРНИЦА»

Пели всем классом про синюю птицу.
Пели в автобусе про поворот.
Все мы сегодня играем в «Зарницу»,
И военрук нас ведёт.
«Синие» ходят в атаку на «красных»,
За высотою падёт высота,
Все оказались мы здесь не напрасно,
Все мы здесь неспроста.
Мать на пальто мне пришила погоны:
Не оторвёт их чужая рука,
Буду награды высокой достоин,
Если найду «языка».
Мы атакуем, мы отступаем,
Верим, что враг будет разбит.
Если погон оторвали — ты ранен,
Если же оба — убит.
Рано январское солнце садится,
В сумерках смех и крики слышны.
Вся наша школа играет в «Зарницу».

Внуки прошедшей войны.
Пусть мы в атаку идём без винтовки,
Противогазов хватит не всем,
Но на зачёте по начподготовке
Мы соберём АКМ.
Не испугают нас происки НАТО,
Рвать не устанет рука.
Мальчики-девочки семидесятых,
Дети полка.
А на обратной дороге уснули,
Тени на лицах ребят,
Ночью автобусы в город вернулись
И привезли всех «солдат»...

КАК ПРИНИМАЛИ В ПИОНЕРЫ

Как принимали в пионеры?
Совсем не так, как в комсомол.
От нас не требовали веры,
Ведь мне десятый год пошёл.
Мы на груди тогда носили
Портрет кудрявый Ильича,
Пока в один день не сменили
На галстук цвета кумача.
Будь, будь готов!
Всегда готов!
Поменьше слов,
Лишь будь готов!
Четыре года пролетели,
И стало вдруг понятно всем —
Необязательно неделю
Учить Устав Эл Ка Эс Эм.
Порою так приврёшь сверх меры:

Такой дорогой уж пошёл.
Как принимали в пионеры?
Совсем не так, как в комсомол.
Когда я сильно завирался,
Ильич со стенки наблюдал
И, как живой, слегка смущался
И тихо головой качал.
Скажите мне, какие нервы
Нужны, чтоб я вам так наплёл?
Как принимали в пионеры?
Совсем не так, как в комсомол.
А я готов,
Всегда готов!
Поменьше дел,
Побольше слов.

ДРУГ

Все в округе знают о тебе:
Белки, крысы, птицы и коты.
Убегают в спешной суете,
Только за порог выходишь ты.
Мы бежим за ними налегке,
И в азарте ты оскалил пасть.
Я держу тебя на поводке,
На бегу пытаясь не упасть.
Мы гоняем их до темноты,
И на пол ты валишься мешком,
Наругавшись впрок до хрипоты
С каждым встречным-поперечным псом.
Самый чуткий в мире слух,
Самый верный в мире друг.
Обниму башку твою лохматую.
Может, я когда-то тоже был собакою?

Ты положишь лапы мне на грудь,
Знаю я, что это неспроста:
Всё пытаешься меня лизнуть
В губы, нос и прочие места.
Утром мне придётся уходить
В непонятный мир чужих людей.
Ты меня захочешь проводить,
Но послушно ляжешь у дверей.
А потом, когда придёт отбой
И погаснет день пустых тревог,
Ты опять потащишь за собой
И растянешь тонкий поводок.
Самый славный в мире пёс,
Самый мокрый в мире нос.
Мы живём без нежностей телячьих,
В моём шаге два твоих — собачьих.

***

Я словно пробуждаюсь ото сна...
Была однажды пёстрая страна:
Все краски шли когда-то в гости к нам,
Подобно распустившимся цветам.
Но что случилось? Я не дам ответ:
В живых остался только серый цвет.
И тучи серых лиц кругом снуют
И тихо так, по-серому живут.
А в серый цвет окрашены дома,
Больница, министерство и тюрьма,
Течёт он из журналов и газет,
Как-будто в мире красок больше нет.
У серых лиц есть серые мечты,
На серых клумбах — серые цветы,
Писатель серый ловит каждый миг

И производит тонну серых книг.
Куда девались прочие цвета?
Иль я не тот, или страна не та?
Исчезли красный, жёлтый с голубым,
А серый всё клубится, словно дым...

ОПЯТЬ ЛЕТО

Сегодня опять ожидается жаркий день,
И воздух нагреется до сорока
градусов. Хочется спрятаться в тень,
Но солнце ещё не зашло пока.
И лень сдавила всё тело свинцом,
Не хочется двигаться — даже курить!
К стеклу прижимаешься мокрым лицом
И думаешь, как же мне дальше быть?
Но есть у лета и добрая сторона:
К концу недели обещан дождь,
А девушку в шортах встретишь — и жизнь красна,
С рынка ведро черешни домой несёшь.
Скорей бы октябрь: ветер листья сдул,
И дышится весело и легко!
Пока же лето палит изо всех дул,
А до заветной осени ещё так далеко…

***

Прошла середина лета,
Много дневного света,
И ветер щекочет траву.
Может быть, доживу
До дня,
Когда грянет осень
И разрешения спросит

Покрасить все
В жёлтый цвет,
А может быть, и нет.
Живу я как на болоте —
Душа живее плоти,
Которая летом спит.
Или делает вид.
Поставить бы в церкви свечку
Да прыгнуть в холодную речку!
Во сне или наяву,
Может быть,
доживу...

***

Небо, как кастрюля, укрыто крышкой пара
Облаков, заткнувших все входы в атмосферу,
Давит на людей, как рука на гриф гитары,
Застужая душу, истощая нервы.
Влажный климат не сулит простой свободы,
Уступаю вяло и в больших делах, и в малых.
Хочется лишь холода поступков, мыслей,
Да чего угодно!
Или просто спрятаться с головой под одеялом.

***

…с вечера и до утра
в маленьком городишке
сводит с ума жара
тихо страдают людишки
скоро придёт июнь
и проштампует визу
падающему лету

вечно седой как лунь
мой сосед снизу
в тапочках
купленных где-то
в комнате 123
двигает стол
запершись изнутри
а за субботним окном
начала выть собака
в комнате 126
собаке жарко
у неё шерсть
однако
сверху ещё толпа
в комнате 122
из Мексики или откуда
там где всегда жара
им только повод дай
празднуют sinco de mayo
с вечера и до утра
хоть и кончается май
те ещё господа
ваш покорный слуга
в комнате 125
может быть от тоски
мокрый от пива и пота
одетый лишь в носки
жарко
хоть и суббота
сломан кондиционер
пить уже неохота
хочется в СССР…

КОСМИЧЕСКАЯ КОШКА

Космическая кошка мне села на колени,
Постукивая мерно космическим хвостом.
И стала умываться без устали и лени,
Облизывая лапу шершавым языком.
В ушах её играли космические марши,
Свернулась на коленях клубочком, как змея.
Космическая кошка меня намного старше
И знает она тайны, каких не знаю я.
Хранительница многих ушедших поколений,
Что жили близ двуногих десятки тысяч лет.
Космическая кошка уснула на коленях,
Чтоб превратиться в призрак, когда погаснет свет.

ИММИГРАНТ

По гнилой и скользкой трубе
Из далёких и диких стран,
Проложив дорогу в борьбе,
Мне на кухню заполз таракан.
Зацепившись за край стола,
Перелез и, лишившись сил,
Как Колумб когда-то: «Земля!» —
Он отчаянно завопил.
«Я приполз сюда издалека,
А за мною жена и мать,
Нас пытались давить свысока,
Нас хотели судить и сажать.
Мы ползли сюда ночью и днём,
Как не каждый бы смог таракан,
Но теперь мы друг друга зовём
Гордым именем: «Иммигрант!»
Иммигрантов не любит никто,
Кто ж из дома родного бежит?

Вот и кутаюсь в чьё-то пальто,
Сам себе Моисей — Вечный жид.
Сам пустыню выбрал свою,
И горит под ногами земля.
Как баркас у причала молю:
якорЯ! якорЯ! якорЯ!
Где-то люди сидят за столом,
Близко так, только в дверь постучи:
«Если нам хорошо, мы поём,
Ну а если нам плохо — молчим.
Хорошо или плохо — плевать!
Завтра утро начнём без войны.
И не нужно куда-то бежать,
Никому ничего не должны».
Вот и смотрят они свысока,
Охраняя покой и уют,
Ждут пока нас разлука-тоска,
Замордуют опять, заклюют.
«Понаехали», — скажет один.
«Да пусть катятся!» — крикнет другой.
Вроде бы сам себе господин,
А для Родины — вечный изгой.
Те, кто сдуру задумал спастись
От родной, но постылой семьи,
Будут вечно в изгнанье пастись
За чужие грехи и свои.
Будут жизнью своей рисковать,
Чтоб отведать свободы глоток;
Будут громко о правде кричать,
Только их не услышит никто.
...Где посуды немытой стан,
Завершая речи свои,
Притаился в ночи таракан
В ожидании членов семьи...